
Игорь Кочетков
Наследие

Сон

Игорь Кочетков

Наследие

«Автор»
2026

Кочетков И.

Наследие / И. Кочетков — «Автор», 2026 — (Сон)

Продолжении серии Сон в новой книге Наследие.Однажды ты просыпаешься и понимаешь: счастье конечно. Оно имеет вкус, цвет и... срок. Их любовь становится не убежищем, а мостом через бездну. Им суждено пройти по нему, зная, что конструкция вот-вот рухнет.Это роман о том, как обрести силу в собственной хрупкости. Как принять конец не как приговор, а как последний подарок. Герои стоят перед дилеммой: остаться в тепле вдвоем или выйти в холод, чтобы осветить путь другим. «Обретение» — это история о том, что даже когда рушатся миры, свет, который мы зажгли для других, будет гореть вечно.

© Кочетков И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слепая 5
Глава 2. Шрамы, видимые и нет 8
Глава 3. Клятва, данная в темноте 10
Глава 4. План, построенный на песке 13
Глава 5. Бой за рассвета, которого нет 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Наследие

Глава 1. Слепая

Пробуждение было возвращением в могилу.

Сначала – звуки. Металлический лязг капельницы, шипение кислородной подушки, мерный писк кардиомонитора. Это были звуки реальности – грубые, неуклюжие, лишенные той текучей многомерности, что была в мирах. Они били по сознанию, как камни.

Потом – запахи. Резкий дух антисептика, приторная сладость жидкого питания, пыль, въевшаяся в старые больничные стены. Ни запаха ветра, несущего аромат несуществующих цветов, ни запаха страха, который там был почти осязаем.

И только потом – ощущение тела. Тяжелое, непослушное, чужое. Лекарственная вата в голове. Огненная лента боли, туго обвившая ребра и плечо. И самое главное – густая, непроглядная темнота перед глазами. Не ночная тьма, не тень. Абсолют. Пустота.

Рина лежала неподвижно, прислушиваясь. Она училась различать мир по звукам дважды: сначала там, в лабиринтах кошмаров, где скрип мог быть шагом охотника, а шелест – дыханием самой реальности. Теперь – здесь. Шаги за дверью: тяжелые, мужские – санитар; легкие, быстрые – медсестра. Голоса: усталый баритон врача, визгливое бормотание пациентки из соседней палаты.

Её разум, отточенный годами выживания в пространстве, где мысль материальна, с жадностью хватался за эти детали, строя карту. Палата. Одна. Дверь слева. Окно – справа? Нет, слепящего пятна солнца на лице не было. Значит, окно напротив, но день пасмурный или шторы закрыты. Рукой, которой не было перелома, она осторожно ощупала простыню, края матраса, нашла пульт вызова. Кнопка – выпуклая точка в пластике.

Они сказали ей: «Вы в безопасности, Катерина. Вы в Городской клинической больнице № 7. Вы вышли из комы».

Кома. Слово, от которого мороз пробегал по коже. Обывательское, успокаивающее слово для того, что она пережила. Оно не передавало ни масштаба, ни ужаса, ни чуда. Оно стирало лагерь «Последний якорь», пение ветра в разноцветных каньонах, светлячков, рожденных из детских воспоминаний. Оно стирало металлический скрежет «пожирателей» и холодную дрожь камня в пещерах.

Оно стирало его.

— Лео.

Имя отозвалось не в ушах, а где-то в глубине грудной клетки – болезненной, живой вибрацией. Он был её компасом в безумии, её щитом в кромешной тьме, её обещанием, что где-то существует не-кошмар. Он вернул её. Ценой, о которой она боялась думать.

Она сжала пульт. Пластик затрещал. Медсестра, зашедшая проверить давление, вскрикнула:

— Что вы делаете? Успокойтесь!

— Мне нужно… найти человека, — голос Рины звучал чужим, ржавым от неиспользования. — Леонид. Он… он искал меня. Где он?

Медсестра, смущенная, ответила, что не знает никакого Леонида среди пациентов. А потом, уже мягче, спросила:

— А родных позвать? Ваша сестра, Анна, постоянно навещала. Она только вчера была.

Анна. Сестра. Якорь в прошлой, забытой жизни. Рина кивнула, отпустив сломанный пульт.

Анна пришла через три часа. Рина узнала её по шагам – быстрым, нервным, с легкой хромотой после старой спортивной травмы (она упала с велосипеда в четырнадцать – Рина

тогда смеялась, а потом плакала от страха). По запаху – дорогие духи с ноткой жасмина, которые Анна любила, и под ними тонкий, неистребимый запах больничного кофе.

— Катя? Боже правый, ты… ты смотришь? — голос Анны дрожал.

— Я не смотрю, Аня, — тихо сказала Рина, поворачивая голову на звук. — Я слушаю. Я не вижу.

Наступила тяжелая пауза. Рина представила себе выражение лица сестры: шок, жалость, растерянность. Потом шуршание одежды, скрип стула, теплые, влажные ладони, схватившие её беспомощную руку.

— Врачи говорили… о возможных последствиях. Неврологических. От долгой комы. Но чтобы так… — Анна заглотила рыдание. — Ничего, мы всё сделаем. Операции, лечение…

— Аня, — Рина перебила её, и в её голосе прозвучала та сталь, что спасла её в мирах. — Сейчас не об этом. Мне нужно найти человека. Его зовут Лео. Он спас меня. Он… вытащил меня оттуда.

— Оттуда? Из комы? Что ты говоришь, Катя? Тебя спасли врачи, реанимация…

— Нет! — резкость Рины заставила сестру вздрогнуть. Рина выдохнула, заставляя себя говорить медленнее. — Он искал меня… в другом месте. В мире, где я была. Он пришел за мной. Он и другие… Тереза, Марк… Я должна знать, что с ним. Он… он отдал много сил. Слишком много.

Анна молчала. Рина чувствовала, как пальцы сестры слегка ослабили хватку. Недоверие. Страх. Страх не перед её словами, а за неё. За её рассудок.

— Катя, милая, ты перенесла чудовищную травму. Ты в коме была больше двух лет. Могли быть… яркие сны. Галлюцинации…

— Это не был сон! — Рина снова чуть не сорвалась, но поймала себя. Она не могла требовать веры. Её доказательства были записаны на языке, которого здесь не существовало. Она изменила тактику. — Аня, пожалуйста. Просто проверь. Возможно, он пациент. Или был пациентом. Леонид. Возможно, связан с… с частной клиникой. В Гималаях. Название… «Пробуждение», что ли?

Тишина стала еще гуще. Потом Анна осторожно спросила:

— Откуда ты знаешь про эту клинику?

Надежда, острая как лезвие, кольнула Рину.

— Ты знаешь её?

— Я… читала. Когда искала любые способы тебя вытащить. Это очень закрытое, дорогое место. Скандальная репутация. Туда отправляют безнадежных, богатых. Говорят, там проводят какие-то эксперименты с сознанием. Но это все слухи, Катя! Мрачные слухи!

— Он был там, — настойчиво прошептала Рина. — Он пошел туда, чтобы спасти свою сестру. А потом… потом пошел искать других. И нашел меня. Пожалуйста, Аня. Умоляю тебя. Найди его. Просто узнай, жив он.

В голосе Рины было что-то, что пробилось сквозь стену сестринского скепсиса. Была не истерика, а холодная, выстраданная уверенность. Такая, какая бывает у людей, прошедших ад и знающих его точные географические координаты.

Анна тяжело вздохнула. Её пальцы снова сжали руку Рины.

— Хорошо. Я… попробую поискать. В интернете, через знакомых. Но, Катя… обещай мне, что будешь отдыхать. Будь осторожна с этими… воспоминаниями. Дай время мозгу восстановиться.

Рина кивнула, позволяя сестре думать, что это уступка. Её разум уже работал, выстраивая план. Если Анна не найдет, она найдет сама. Как слепая крот – по вибрациям почвы, по запаху страха, по отголоскам чуда. Потому что связь, которую она ощущала с Лео, не была просто эмоцией. Она была фактом, физическим законом того иного мира, и, возможно, часть её все

еще действовала здесь. Она чувствовала его отсутствие как тишину после громкого звука – не как пустоту, а как незажившую рану в самой ткани реальности.

— Спасибо, Аня, — сказала она тихо, поворачивая незрячее лицо к тому месту, где, как она чувствовала, должно было быть окно, за которым лежал чужой, скучный, негибкий мир. Мир, в котором он, возможно, все еще дышал. И ради этого стоило заново учиться в нем жить. Даже в темноте.

Глава 2. Шрамы, видимые и нет

Путь в клинику «Пробуждение» был долгим и утомительным. Анна вела машину, стиснув зубы от нервного напряжения. Рина сидела на пассажирском сиденье, укутанная в мягкий плед, лицо её было наполовину скрыто под складками шарфа и тёмными очками. Она почти не говорила, только время от времени поворачивала голову, как будто пытаясь уловить через стекло что-то, кроме гула двигателя и шума ветра.

Дорога вилась серпантином вверх, в царство вечных снегов и разреженного воздуха. Анна то и дело поглядывала на сестру, и сердце её сжималось от боли. Шрамы. Грубая, блестящая ткань, тянущаяся от виска Рины к подбородку, искривляя уголок когда-то улыбчивого рта. И глаза… пустые, невидящие, затянутые той же мертвенной плёнкой. Автокатастрофа два с лишним года назад забрала у неё красоту и свет, оставив взамен только хрупкую, изломанную куклу. И теперь — эти бредни о каких-то мирах снов и спасителе по имени Лео.

— Мы почти приехали, — сказала Анна, пытаясь звучать бодро. — По карте должно быть за следующим поворотом.

Рина кивнула. Её пальцы бесцельно теребили край пледа.

— Ты почувствуешь её. Клинику. Воздух здесь… он другой. Наэлектризованный.

Анна ничего не ответила, лишь сильнее сжала руль. Воздух был просто холодным и тонким.

Комплекс «Пробуждения» предстал перед ними неожиданно — низкое, суровое здание из тёмного камня и стекла, встроенное прямо в скалу. Оно не стремилось впечатлять; оно стремилось быть незаметным, частью пейзажа. Анну охватило неприятное чувство. Место дышало холодной, дорогой изоляцией.

Их встретила администратор — женщина в безупречном белом халате, с лицом, на котором профессиональная приветливость не достигала глаз.

— Мы ищем пациента, — без предисловий сказала Анна, поддерживая Рину под локоть. — Леонида. Он проходил здесь лечение, возможно, несколько месяцев назад.

Администратор скользнула взглядом по их лицам, задержавшись на шрамах Рины.

— Информация о пациентах строго конфиденциальна. Без разрешения руководства и самих пациентов…

— Он спас меня, — тихо, но отчётливо проговорила Рина, обращаясь в пространство перед собой. — Я была там… в тех же мирах, что и он. Он вытащил меня. Я должна знать, жив ли он.

Женщина в халате замерла. В её глазах мелькнуло что-то — не удивление, а скорее осторожное перераспределение интереса. Она взглянула на Рину иначе, пристальнее, оценивая не шрамы, а что-то за ними.

— Подождите здесь, пожалуйста, — сказала она и скрылась за тяжелой дверью.

Их провели не в приёмную, а в небольшую, почти пустую комнату с панорамным окном на горы. Воздух пах озоном и стерильностью. Анна нервно ходила по комнате, а Рина стояла у стекла, положив ладонь на холодную поверхность, как будто пытаясь прощупать пульс здания.

Дверь открылась бесшумно.

Вошел он.

Анна замерла. Это был молодой человек, лет двадцати трёх, но выглядел он старше. Высокий, очень худой, почти исхудавший, с резкими чертами лица, на которых усталость и боль высекли свои собственные шрамы. Он был бледен, под глазами лежали тёмные, впалые тени. Но больше всего Анну поразили его глаза — серые, глубокие, с каким-то невыносимо далёким, прожигающим взглядом. В них был целый мир, и этот мир был полон боли. На нём

был простой тёмный свитер и штаны, и он двигался медленно, осторожно, будто каждое движение отзывалось эхом где-то внутри.

Он остановился на пороге, и его взгляд упал на Рину.

Анна увидела, как всё его тело напряглось, а потом обмякло от такого потрясения, что, казалось, он вот-вот рухнет. Губы его беззвучно сложились в одно слово:

- Рина.

Рина тоже замерла. Она не видела его. Но её голова резко повернулась в его сторону, как цветок к солнцу. Тёмные очки скрывали её глаза, но всё её существо вдруг ожило, напряглось, затрепетало.

— Лео? — её голос был всего лишь выдохом, хриплым от волнения.

Он шагнул вперёд, забыв об осторожности, забыв обо всём на свете. Он пересек комнату двумя длинными шагами и оказался перед ней. Его руки поднялись, дрожа, замерли в сантиметре от её плеч, не решаясь прикоснуться. Он смотрел на её лицо — на ужасные, обезобразившие её шрамы, на слепые глаза за тёмными стёклами. В его взгляде не было ни ужаса, ни жалости. Была лишь бездонная, тихая скорбь и узнавание — узнавание той цены, которую заплатили они оба.

— Я здесь, — прошептал он, и голос его сорвался.

Её рука метнулась вперёд, нащупывая воздух. Он поймал её в свои ладони, прижал к груди, к сердцу, которое колотилось, как птица в клетке.

— Ты… ты настоящий, — она коснулась его лица кончиками пальцев, с нервной, жадной торопливостью слепого, читающего шрифт Брайля. Лоб, брови, скулы, запавшие щёки, губы. Каждое прикосновение было вопросом и подтверждением. — Ты такой худой. Ты… бледный.

— Это ничего, — сказал он, покрывая её ладонь своей, прижимая её пальцы к своей щеке. Слёзы, которых он, казалось, уже не мог пролить, подступили к горлу, жгли глаза. Он смотрел на её изуродованное лицо и видел не шрамы, а её — ту самую, что стояла с ним спина к спине в лабиринте кошмаров, ту, чей смех был единственной музыкой в беззвучном мире. Его любовь проходила сквозь плоть и повреждённую кожу, находила её суть, ту самую, неизменную.

— Твои глаза… лицо… — его голос снова дрогнул. — Это там? В той аварии?

Она кивнула, едва заметно.

— Да. Цена билета в тот мир. А твои… твои шрамы внутри. Я чувствую.

Он не сдержал короткий, горький звук, похожий на смешок сквозь слёзы, и притянул её к себе. Осторожно, бесконечно бережно, обнял. Она вжалась в него, уткнулась лицом в его шею, и её тонкие плечи задрожали. Он чувствовал, как её слёзы горячими каплями падают на его кожу.

Анна стояла в стороне, и её собственные глаза наполнились влагой. Вся её скептическая броня дала трещину и осыпалась, столкнувшись с этим. Это не было игрой, не было галлюцинацией. Это была реальность, более плотная и настоящая, чем всё, что она видела в жизни. Любовь, которая не нуждалась в зрении, чтобы видеть, и в целой коже, чтобы чувствовать. Любовь, прошедшая сквозь иные миры, чтобы найти друг друга здесь, в этой холодной комнате.

Они стояли так, забыв о времени, о сестре, о клинике, о своих ранах — видимых и невидимых. Они просто держались друг за друга, как два корабля, наконец нашедшие причал после долгого, страшного плавания в разных морях. Их миры — травмированная реальность и изувеченная плоть — наконец-то совпали. И в этом совпадении была не победа, а глубокая, пронзительная грусть. Они нашли друг друга, но цена находки была выжжена на их телах и душах навсегда.

Лео наклонился к её уху, и его шёпот был таким тихим, что услышала только она:

— Я нашел тебя. Теперь я никуда не отпущу. Никогда.

И она, всё ещё плача, улыбнулась своим искривлённым, изуродованным шрамом ртом. И в этой улыбке было больше света, чем Анна видела за все два года отчаяния.

Глава 3. Клятва, данная в темноте

Доктор Сун предоставил им пустующую палату-изолятор — камеру с мягкими стенами, без окон, с единственным диваном и приглушенным светом. Место, предназначенное для пациентов в состоянии острого психоза, стало на час их убежищем. Анна осталась ждать в приемной, сжав в руках бумажный стаканчик с остывшим чаем и тысячей невысказанных вопросов.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Звук абсорбировался покрытием стен, и их окутала глубокая, искусственная тишина. Тишина, в которой слышно было только дыхание.

Рина сидела на диване, прямая и неподвижная, ее руки лежали на коленях, пальцы слегка сцеплены. Темные очки она сняла, но глаза ее по-прежнему смотрели в никуда, невидящие и мутные. Лео стоял перед ней, прислонившись к стене, будто не доверяя своим ногам. Эйфория встречи схлынула, оставив после себя холодный, тяжелый осадок реальности. Реальности ее шрамов, своей слабости и того, о чем они еще не говорили.

— Они все еще там, Лео, — сказала Рина первая. Ее голос звучал ровно, без дрожи. Голос докладчика, привыкшего доносить ужасную правду. — То, что напало на лагерь… что охотилось на нас в лабиринте. Это не просто чудовища. Это… система. Рак. Он расползается.

Лео закрыл глаза, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он помнил пустой лагерь, следы борьбы, чувство леденящей пустоты на Пике отбытия.

— Пожиратели, — прошептал он.

— Да. Они так себя не называют. У них нет языка. Только… голод. Но это не голод к плоти. Они пожирают само пространство. Воспоминания. Закономерности. Они упрощают мир, сводят его к серой, пустой пустыне. А людей…

Она замолчала, ее пальцы вцепились в ткань брюк.

— Что с людьми, Рина?

— Они становятся частью этого. Или исчезают. Я видела… как они настигали одного из наших. Старика, который помнил наизусть всего «Евгения Онегина». Он читал его вслух, пытаясь удержать мир вокруг. А они… подошли, коснулись. И стихи стали таять. Сначала он забывал слова, потом буквы, потом… потом он просто стоял, пустой. А потом и его не стало.

В ее голосе впервые прорвалась трещина — тонкая, как паутинка на стекле. Лео оттолкнулся от стены, подошел, опустился перед ней на колени. Он взял ее руки в свои. Они были холодные.

— Как они появляются? Откуда?

Рина наклонила голову в его сторону, как будто пытаясь разглядеть его лицо через тьму.

— Я думала об этом все время, пока шла к Пику. Пока ждала тебя здесь, в этой… этой реальности. Ты знаешь, как все устроено там. Сила воли, концентрация, память — они держат мир. Если человек застревает надолго… если он теряет надежду, забывает, кто он, откуда… его мир начинает крошиться. А он сам… он становится дырой. Пустым местом, которое начинает втягивать в себя все вокруг. Как черная дыра из отчаяния. Сначала маленькая. Потом она притягивает других таких же… или тех, кто уже на грани. Они сливаются. Становятся сильнее. И начинают искать… свежей памяти. Сильных эмоций. Целых миров, чтобы их съесть.

Лео слушал, и внутри него все сжималось в тугой, болезненный узел. Он думал о своем первом путешествии, о хаосе, который царил в нем. О том, как легко было поддаться страху, растерянности. Он думал о Каиле, запертом в сером небытии. Это был не просто побочный эффект миров снов. Это была их фундаментальная болезнь. Побочный эффект человеческой души, затерявшейся в собственных лабиринтах.

— Их нельзя просто убить, да? — спросил он, уже зная ответ.

— Нет. Можно отогнать. Можно разрушить их временные формы. Но источник… эта пустота, это отчаяние… оно остается. Оно просто найдет новое место, новых людей на грани.

Лео опустил голову, прижал ее ладонь к своему лбу. Он чувствовал усталость, проникающую в кости. Организм Суна не врал — он был истощен, хрупок, как пересохшая ветка. Каждое новое погружение отнимало у него кусок жизни. Он спас Софию. Нашел Рину. Разве этого не достаточно? Разве он не заслужил покоя?

Он посмотрел на Рину. На шрам, пересекавший ее щеку. На слепые глаза, в которых застыл отблеск чужих кошмаров. Она прошла через ад, который он только начал изучать. И она вынесла оттуда не только свои раны, но и тревогу за тех, кто остался. За целые миры, полные потерянных, но все еще живых душ.

— Я слышала, как ты говорил с доктором, пока мы шли сюда, — тихо сказала Рина. — Он сказал тебе «хватит». Что твое тело не выдержит еще одного погружения.

Лео вздрогнул. Он забыл, насколько она чутка к звукам, к интонациям.

— Он прав, — просто признал он. — Я… я исчерпан, Рина. Каждый раз, когда я возвращаюсь, часть меня не возвращается. Я как свеча, которая догорает с двух концов.

Ее свободная рука потянулась к нему, нащупала его щеку, провела по резкой линии скулы.

— Тогда не надо. Ты спас меня. Ты сделал больше, чем кто-либо мог. Останься. Здесь. Со мной.

В ее словах была такая горькая, такая понятная ему надежда. Укрыться друг в друге. Забыть. Исцелять только свои раны.

Он закрыл глаза, позволяя себе на мгновение представить это. Тихие дни. Ее рука в его руке. Возможно, даже счастье, выстраданное и хрупкое. Он так устал.

И тогда в его памяти всплыли другие образы. Не Рины. Лица из лагеря „Последний якорь“. Беззащитные, испуганные, смотрящие на него как на чудо. Тереза, Марк и Том, рискующие собой снова и снова, потому что поверили в его миссию. Каил, который теперь улыбался в реальном мире. София, которая спала спокойно, потому что ее кошмарам пришел конец.

Он открыл глаза и посмотрел на Рину. На ее незрячие глаза, которые все равно видели его суть.

— Если я останусь, — сказал он медленно, подбирая слова, — я буду знать. Каждую ночь, когда я буду засыпать, я буду думать о них. О тех, кто сейчас там, в темноте, слушает шаги в коридоре своего кошмара. О тех, кто забывает свое имя. О тех, кого ждут здесь, как ждали тебя. Твоя сестра не верила, но она искала. А сколько тех, у кого нет такой сестры?

Рина слушала, и ее лицо стало печальным, будто она уже знала, что он скажет.

— Я не могу, Рина. Я вошел в эту реку и изменил ее течение. Я стал… мостом. Если я уйду, мост рухнет. И все, кто на нем, упадут.

Он поднялся с колен, все еще держа ее руки. Теперь он стоял перед ней, и в его истощенном теле вдруг ощутилась странная, несгибаемая сила. Сила не мышц, а решения.

— Я поклялся спасти тебя. И я спас. Теперь я даю новую клятву. Тебе. И всем, кто не может дать ее сам.

Он сделал паузу, вбирая в себя весь воздух тихой комнаты, всю тяжесть своих слов.

— Я поклянусь уничтожить эту угрозу. Не просто отогнать, а найти источник. Исцелить саму болезнь. Чтобы ни одна душа больше не терялась в этой тьме. Чтобы никто не платил такую цену, как ты. Как мы.

В комнате воцарилась тишина. Глубокая, полная. Рина не плакала. Она подняла лицо к нему, и в ее невидящих глазах словно вспыхнул отблеск того самого внутреннего огня, что вел ее через лабиринт.

— Ты умрешь, — сказала она просто. Без упрека, без истерики. Констатация факта. — Ты отдашь на это последнее, что у тебя осталось.

— Да, — так же просто ответил он. — Но не сразу. И не зря. У меня еще есть силы. Есть команда. Есть знания. И теперь есть ты. Ты видела их изнутри. Ты знаешь то, чего не знаем мы.

Он снова опустился перед ней, но теперь уже не в позе просящего, а в позе соратника.

— Я не прошу тебя идти со мной туда. Ты прошла свой путь. Я прошу тебя быть моим компасом здесь. Рассказать все, что ты знаешь. Помочь понять. А потом…

— А потом ждать? — в ее голосе прозвучала горькая нота.

— А потом жить, — поправил он. — Жить, зная, что ты дала шанс другим тоже когда-нибудь проснуться. Что наша любовь… она не только спасла нас. Она может спасти и их.

Он знал, что это жестоко. Просить ее принять его решение, его жертву. Но он также знал, что она — единственный человек во всех мирах, кто поймет. Потому что она сама — живое доказательство того, за что он собирается бороться.

Рина долго молчала. Ее пальцы блуждали по его ладоням, читая линии судьбы, напряжение мышц, правду, скрытую под кожей. Наконец, она кивнула. Один раз. Твердо.

— Хорошо, — сказала она. — Но это моя клятва тебе в ответ. Ты идешь сражаться с их забвением. А я… я буду помнить. Каждую деталь. Каждое твое слово. Каждый миг. Я буду хранить тебя здесь, — она прижала его руку к своей груди, где билось сердце. — Чтобы, когда ты… когда тебя не станет, твоя память не стала дырой. Чтобы она стала маяком.

Лео не смог сдержаться. Он потянул ее к себе, обнял так крепко, как только мог, чувствуя, как хрупки ее кости, и как несгибаем ее дух. Они стояли так в тишине мягкой комнаты — два израненных воина, давших друг другу клятву в темноте. Клятву не о счастливом конце, а о смысле. О том, чтобы их боль и их любовь не пропали даром, а стали фундаментом для чьего-то будущего пробуждения.

Дверь в их тихое убежище была всего лишь дверью. За ней ждали врачи, сестра, диагнозы, неизбежное. Но в эту минуту, в пространстве между их сердцами, родилось нечто большее — общая цель. И это делало даже самую горькую жертву выносимой.

Глава 4. План, построенный на песке

Комната для брифингов в клинике «Пробуждение» напоминала стерильный аквариум. Большой овальный стол из матового стекла, стулья с эргономичными спинками, настенный экран во всю стену. Сюда не доносились ни звуки гор, ни запахи лекарств. Здесь царила тишина лабораторного эксперимента. И в центре этого эксперимента сидела она.

Рина сидела рядом с Лео, ее лицо было обращено к звуку голосов. Напротив нее, за столом, разместились Тереза, Марк и Том. Анна отсиживалась в углу, на стуле у стены, тихая и все еще ошеломленная, как человек, нечаянно попавший на военный совет пришельцев.

Тереза смотрела на Рину с открытым, почти болезненным сочувствием. Марк оценивал ее взглядом стратега, отмечая хрупкость и следы перенесенных испытаний. Том не смотрел вовсе — его внимание было приковано к ноутбуку, на экране которого пульсировали странные, нелинейные графики.

— Итак, — начал Лео. Его голос звучал устало, но твердо. — Рина. Это Тереза, Марк и Том. Без них я бы тебя не нашел. Ребята, это Рина. Она была там дольше, чем кто-либо из нас. Она видела „пожирателей“ изнутри их охотничьих угодий.

— Привет, Рина, — мягко сказала Тереза. — Я… я чувствовала тебя. В своих видениях. Темный лабиринт и свет в его сердце. Это был ты.

Рина кивнула в сторону голоса.

— Спасибо, что пришли за мной. Все вы.

— Мы рады, что ты здесь, — сухо проговорил Марк. Его взгляд перешел на Лео. — Но, капитан, твои показатели. Сун показал нам графики. Ты на нуле. О следующем погружении не может быть и речи.

— Оно будет, — коротко бросил Лео. — Последнее. Но сначала — информация. Рина, расскажи им все, что рассказала мне. С самого начала.

И Рина заговорила. Без пафоса, без эмоций, сухим, четким языком выжившего. Она описывала не монстров, а паттерны. Как менялся воздух перед их появлением — он становился „плоским“, терял вкус и запах. Как „пожиратели“ двигались — не хаотично, а словно по невидимым линиям, словно их вела какая-то общая, простая геометрия. Как они игнорировали сильные, сложные эмоциональные всплески, но набрасывались на угасающие, слабые следы памяти. Она говорила о „точках пустоты“, которые возникали в мирах, где долго был один и тот же потерянный человек. О том, как эти точки начинали притягиваться друг к другу, сливаться.

Том не поднимал глаз от ноутбука, но его пальцы летали по клавиатуре. На экран позади него выводились карты, схемы, трехмерные модели.

— Математическая модель подтверждается, — наконец произнес он монотонным голосом. — Описываемый феномен ближе всего к термодинамическому понятию энтропии в закрытой системе. Миры снов — закрытые психоэмоциональные системы. Человеческое сознание — источник негативной энтропии, оно структурирует хаос, создает сложность. При длительной изоляции и потере самоосознания… сознание „выгорает“. Остается чистая, неструктурированная психическая энергия. Энтропия стремится к максимуму.

Он нажал клавишу. На экране появилась абстрактная модель: яркие, сложные узоры, похожие на мандалы, медленно расползались, теряли цвет и форму, превращаясь в однородное серое поле. В центре поля возникала черная точка. Она начинала поглощать серое, расти. Потом появлялась вторая точка, третья… они притягивались к первой, сливаясь в одну большую черную сферу.

— Ядро, — хрипло сказал Лео, глядя на пульсирующую на экране черноту. — Источник.

— Вероятно, — кивнул Том. — Логически, должен существовать эпицентр. Первичная точка коллапса, которая достигла критической массы и теперь действует как гравитационный

центр, притягивая другие подобные точки и ускоряя процесс распада по всем смежным мирам. Уничтожение этого ядра может… перезапустить систему.

— Может? — резко спросил Марк.

— Данных недостаточно для точных предсказаний. Это гипотеза. Вероятность успеха, по предварительным расчетам, — 37,4 %. Вероятность катастрофического коллапса всех сопряженных миров, включая наши сознания в них, — 41,2 %. Вероятность нулевого эффекта — 21,4 %.

В комнате повисла тяжелая тишина. Даже Рина, не видя экрана, почувствовала ее тяжесть.

— Сорок процентов на то, что мы всех похороним, — пробормотал Марк, потирая переносицу.

— И почти сорок — на то, что остановим, — сказал Лео. — Эти шансы меня устраивают.

— Лео… — начала Тереза, но он поднял руку.

— Вопрос не в шансах. Вопрос в том, что если мы ничего не сделаем, вероятность катастрофы — сто процентов. Рина видела, как они расползаются. Они придут и сюда. В самые стабильные миры. К тем, кто только что застрял и еще держится. Мы не можем ждать.

— Хорошо, — вздохнул Марк, переходя в режим планирования. — Допустим, мы идем. Где искать это „ядро“?

Рина наклонилась вперед.

— В самом первом мире. В том, что был до всех других. В пустоте, которая была всегда.

Все посмотрели на нее.

— Это не метафора, — пояснила она. — В лабиринте… у выживших были обрывки воспоминаний от тех, кто приходил раньше. Легенды. Говорили о „Первой Пустоте“. Месте, где не было ничего. Ни цвета, ни формы, ни мысли. Туда уходили те, кто окончательно терял надежду. И оттуда… оттуда начал расползаться серый цвет.

Том снова застучал по клавиатуре.

— Логично. Если рассматривать совокупность миров как нейронную сеть, „Первая Пустота“ может быть аналогом изначального, нефункционирующего узла, который вместо того чтобы передавать сигналы, начинает гасить их. Нам нужны координаты.

— Их нет, — покачала головой Рина. — Это не место на карте. Это… состояние. Глубина. Чтобы добраться туда, нужно пройти через слои самых старых, самых выжженных миров. Двигаться против течения памяти, вниз, к источнику забвения.

— Значит, нам нужен проводник, — сказала Тереза, глядя на Рину. — Ты знаешь путь?

Рина медленно покачала головой.

— Я знаю только направление. Я шла оттуда, спасаясь. Я помню… чувство. Оно как гравитация. Чем ближе к ядру, тем слабее становятся твои собственные мысли. Труднее вспомнить, зачем ты идешь. Труднее держать в уме свой облик. Там побеждает не сила, а… ясность. Неизменность.

Лео смотрел на нее, и его охватывало холодное восхищение. Она прошла через это. И не сломалась.

— Значит, наш план такой, — резюмировал он, вставая. Его тень упала на светящийся экран с черным ядром. — Мы погружаемся не в случайный мир. Мы используем данные Рины и расчеты Тома, чтобы найти точку входа в самый древний, деградировавший слой. Мы пробиваемся сквозь него, используя наши связи и память как щит против разложения. Тереза будет нашим детектором угроз, Марк — тактиком, Том — картографом. Я… я буду тараном. А Рина…

Он повернулся к ней.

— …будет нашим якорем. Здесь. В реальности. Она будет держать нить. Помнить о нас, когда нам будет трудно помнить о самих себе. Ее память станет нашим маяком, чтобы найти дорогу назад.

— Это безумие, — тихо сказал Марк. — У нас нет снаряжения для такого. Нет тактики. Мы идем в место, где тактика не работает.

— У нас есть нечто лучше тактики, — сказала Тереза. Ее глаза блестели. — У нас есть причина. У каждого из нас там есть те, кого мы оставили. Или те, кого мы нашли. Эта связь… она сложнее, чем любая энтропия. Ринино описание — они нападают на слабое, на забытое. Значит, наша сила — в том, чтобы не забывать. Друг друга. Себя. Зачем мы идем.

Лео встретился с ней взглядом и кивнул. Именно это он и чувствовал, но не мог выразить.

— Том, — обратился он к технарю. — Сможешь настроить оборудование для прицельного погружения в зону с максимальной энтропийной активностью?

— Можно попробовать, — без энтузиазма ответил Том. — Но стабильность соединения будет близка к нулю. Вас может разорвать на части еще на входе. Или выйти не там.

— Принимаем риск, — сказал Лео. Он обвел взглядом команду. — Это добровольная миссия. Больше, чем когда-либо. Марк прав — шансы мизерны. Если кто-то хочет остаться…

Никто не пошевелился. Тереза смотрела на него с непоколебимой верой. Марк тяжело вздыхал, но его челюсть была сжата — знак согласия. Том пожал плечами, как будто речь шла о починке сломанного принтера.

— Идет, — пробормотал Марк. — Умрем, так с музыкой. Только какую музыку ты помнишь в серой пустоте?

— Ту, что играла в лагере у костра, — неожиданно сказала Рина. Ее невидящие глаза были широко открыты. — Ту, что пела маленькая девочка, которая помнила только одну колыбельную. Ее мамину. Ее пение держало стены лагеря целыми три дня. Пока… пока ее не стало.

В комнате снова воцарилась тишина. Теперь в ней была не только тяжесть риска, но и тихая, хрупкая ясность цели. Они шли не просто уничтожать ядро. Они шли спасать ту колыбельную. И миллионы других таких же забытых песен.

— Готовимся, — сказал Лео, и его голос прозвучал как приговор, и как обет. — Завтра. Это наш последний спуск.

План был построен на песке — на догадках, легендах и 37,4 % вероятности. Но под этим песком, как верил каждый в комнате, лежала твердая скала — та самая, что не давала Рине сломаться в лабиринте, что вела Лео через миры, что связывала их всех воедино. Скала человеческой связи, которая, как оказалось, была самым надежным фундаментом во всех мирах.

Глава 5. Бой за рассвета, которого нет

Мир встретил их не цветом, а отсутствием звука. Давление, свист, вспышка света оборудования — и вдруг ватная, всепоглощающая тишина. Лео открыл глаза (или то, что в этом месте выполняло их функцию) и почувствовал, как его охватывает приступ тошноты, более глубокой, чем физическая.

Они стояли не на земле и не в небе. Они стояли в промежутке. Пространство вокруг напоминало интерьер гигантской, заброшенной крепости, но лишенной всякой логики. Каменные стены, покрытые серой, осыпающейся штукатуркой, вырастали из пола под невозможными углами, перетекали в потолок, становились полом снова. Арочные проемы вели в тупики или в бесконечные перспективы идентичных коридоров. Источников света не было, но от самих стен исходило тусклое, пепельное сияние, не отбрасывающее теней. Воздух — густой, неподвижный, без запаха и вкуса.

— Боже правый, — прошептала Тереза. Ее голос, обычно звонкий, прозвучал приглушенно и плоско, как будто его съела сама атмосфера. Она схватилась за голову. — Здесь… здесь нет будущего. Ни одного возможного пути. Только… статичное настоящее.

Марк, инстинктивно приняв стойку, медленно поворачивался вокруг своей оси, его глаза сканировали абсурдную архитектуру.

— Оборонительная позиция. Угол там, где стена образует что-то вроде ниши. Том, карта?

Том щелкал пальцами перед своим планшетом, но экран был заполнен серым шумом.

— Навигационные сенсоры не функционируют. Электромагнитные, гравитационные, пси-поля — все представляет собой однородный шум. Картографирование невозможно. Мы… мы находимся в зоне с энтропией, стремящейся к абсолютному максимуму.

— Значит, идем вслепую, — сказал Лео. Его собственный голос звучал чужим. Он сконцентрировался, попытался представить перед собой факел, источник теплого света, как делал это в других мирах. В воздухе дрогнула слабая золотистая искра — и погасла, будто ее задуло. Он почувствовал, как усиливается головная боль. — Мои силы… они почти не работают. Этот мир сопротивляется любым изменениям.

Именно это и было самым страшным. В мирах снов воля была кирпичиком реальности. Здесь же реальность была тяжелой, инертной глиной, не желающей принимать новую форму. Она стремилась только к одному — к своему текущему, унылому, неизменному состоянию.

— Движемся, — приказал Лео, стараясь звучать уверенно. — Держимся вместе. Ориентир — чувство тяжести, которое описывала Рина. Должно тянуть вниз.

Они пошли, вернее, поползли, по этому каменному кишечнику. Звук их шагов поглощался беззвучными стенами. Каждый поворот, каждый коридор был похож на предыдущий. Время теряло смысл. Минуты растягивались в часы, часы — в вечность серого камня.

Первая атака пришла не из тьмы, а из самой стены.

Тереза вскрикнула:

— Сверху! Пустота! — и отпрыгнула в сторону.

Часть потолка впереди как будто растворилась, превратившись не в дыру, а в пятно абсолютного небытия. Из этого пятна вытекли, словно густая смола, несколько фигур. Они не имели постоянной формы. То это были силуэты людей с размытыми лицами, то — просто клубы серого, плотного тумана, то — геометрические абстракции, режущие взгляд своей неправильностью. Но в каждом из них ощущалась одна и та же сущность: холодный, безразличный голод.

— Пожиратели! — крикнул Марк, уже наводя импровизированный „ствол“ — сгусток воли, оформленный в привычную для него форму пистолета-пулемета. Он выстрелил. Снаряд из сконцентрированной психической энергии, способный в обычном мире пробить стену, здесь

лишь оставил на ближайшем „пожирателе“ рябь, как от брошенного в воду камня. Сущность даже не замедлила движение.

— Они поглощают энергию атаки! — закричал Том, отступая. Он пытался создать перед собой щит из сложных математических формул, видимых в воздухе. Формулы на миг вспыхнули ярко, но тут же начали блекнуть, символы расползались, теряли смысл.

Лео бросился вперед. Он не стал тратить силы на сложные конструкции. Он сконцентрировал все свое существо в простейший импульс: ОТПУСТИ! — и ударил сгустком чистой, неоформленной воли по первому «пожирателю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.